

ЭСТЕТИКА ДРУГОГО У ФРОЙДА И ДЕРРИДА (по материалам Деррида-семинара 2008/09)

UDC 159.964.2 Derrida; 159.964.2 Freud

Дмитрий Ольшанский

Секретарь Группы Лакановского Психоанализа, сотрудник Института Высших
Психоаналитических Исследований (Париж)
и Института Клинической Медицины (Санкт-Петербург)

Резюме. *Жак Деррида часто обращается к теории психоанализа, начиная со своего сборника «Письмо и различие» (1967) до книги «Сопроотивление психоанализу» (1993), где он развивает теорию об оптике субъекта применительно к опыту Фрейда и Лакана. С другой стороны, Деррида отказывается от идеи производства и преемственности между оригиналом и вторичной записью в бессознательном, и переосмысливает понятия вытеснения и возвращения вытесненного. В противовес лакановской стадии зеркала, Деррида предлагает концепт письма и диоптрики субъекта.*

Ключевые слова: *эстетика субъекта, удовольствие, Fort/Da, образ Я, стадия зеркала, Фрейд, Лакан, Деррида.*

AESTHETICS OF THE OTHER IN FREUD AND DERRIDA

Abstract. *Derrida frequently turns to the theory of psychoanalysis from his first collection of 1967 to the book "Resistances of Psychoanalysis" (1993); in such a way Derrida develops his own theory of optics of the subject in relation to Freud's and Lacan's experience. On the other hand, Derrida rejected an idea of production and difference between original and secondary sources of the unconscious and changed the concepts of repression and return of the repressed in psychoanalysis. Contrary to Lacan's mirror stage, Derrida proposes the concept of writing and dioptrics of the subject.*

Key words: *Aesthetics of the Subject, Pleasure, Frt/Da, Self-Image, Mirror Stage, Freud, Lacan, Derrida.*

В своих работах по эстетике письма Деррида часто обращается к Фройд и опыту психоанализа: в его дебютном сборнике 1967 года «Письмо и различие» одна из статей посвящена концепту письма у Фрейда и анализу «Наброска одной психологии», в 1974 году в книге «Глас»¹ в связи с работой Фрейда о фетишизме и экономических проблемах мазохизма, о предлагает собственную эстетическую становления субъекта. В 1976 Деррида пишет предисловие к монографии Карла Абрахама и Марии Торок о Случае Человека-с-волками², посвящённой лингвистическому анализу одного из случаев Фрейда. В 1979 году появляется книга «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и обратно», где из самого названия следует, что автор пытается проследить историю диалога метафизики и метапсихологии, описать систему различий, заданную критикой эстетики и клиникой психоанализа, создать собственную теорию становления визуального образа человека.

Следуя призыву Лакана о необходимости возвращения к Фройд, Деррида никогда не разделял теории Лакана, и выступил с его критикой лишь в книге 1980 года – «О почтовой открытке». Наследие Фрейда – наряду с Ницше и Марксом – было одним из точек опоры, на которых строилась собственная философия Деррида. То есть Деррида проторил собственный путь возвращения к Фройд, он предложил свою реконструкцию теории психоанализа, в центре которой стоит не идея речебытия (*parlêtre*)³, а идея эстетической машины и машины письма. «Фройд и сцена письма»: Содержание психики окажется представлено неизгладимо графическим по своей сути текстом. Структура психического аппарата отказывается представленной машиной письма.

Дело не столько в противопоставлении лакановского «бессознательное структурировано как речь» и дерридианского «бессознательное – это письмо» или стадии зеркала и «функции прекрасного» у Лакана [Лакан, 1959/60: 299] и диоптрики у Деррида [Деррида, 1967: 240], сколько в отказе от самой идеи производности и различия первичного и вторичного, отказ от оппозиций субъекта и объекта, оригинала и следа, эмоционального и рационального, образного и знакового первичного и вторичного, на которых основывается структурализм: психика не регрессирует к прошлому, поскольку она сама представляет собой письмо: «Вопрос не в том, правда ли, что психика – своего рода текст, но: что такое текст и чем должно быть психическое, чтобы представляться текстом?» [Деррида, 1967: 225]

I. (В)МЕСТО ДРУГОГО

Игра с катушкой *fort/da*, которую описывает Фройд в «По ту сторону принципа удовольствия» работает для Эрнста в режиме стадии зеркала, она является не только его эстетикой, его способом собирания и распускания образа собственного тела, но также обозначает его эстетическое отношение с другим, тем другим, который эту игру наблюдает, удостоверяет её работу и легитимирует её результаты. Равно как и

¹ Жак Деррида поддержал именно такой вариант перевода названия своей книги «Glas»

² Abraham N., Torok M. *Cryptonymie: Le Verbier de l'Homme aux Loups*. Paris: Flammarion, 1976;

³ Подробнее см. мой доклад на II Международной Психоаналитическом Конгрессе «Наслаждение в речи: Разрушение границ дискурса при психозе» (2006)

для вхождения в стадию зеркала мало одной только случайной встречи с зеркальным двойником – как показывает Деррида встреча эта может происходить помимо зеркала и вообще помимо переходных объектов, поскольку «катушка не является предметом-объектом» [Деррида, 1980: 497] – необходим ещё и тот другой, кто сможет запечатлеть этот образ, признать его, представить ребёнка самому себе, представить образ взгляду, которые в реальном никак не связаны: взгляд не принадлежит глазу, «глаз и взгляд – именно между ними пролегает для нас та трещина, посредством которой заявляет о себе в зрительном поле влечение», [Лакан, 1964: 81] – говорит Лакан в Семинаре «Четыре основные понятия психоанализа», но воображаемое и создаёт то пространство, в котором возможна иллюзия присвоения взгляда и уверенность в том, что «я смотрю», тогда как я – это и есть то, на что взгляд направлен, то, на что смотрят вещи. Сцена *fort/da* лучшим образом демонстрирует нам логику возникновения собственного Я как эффект присвоения или передачи взгляда, ведь именно взгляд является здесь объектом присвоения: Эрнст играет в прятки, в игру вижу – не вижу. Он свой образ именно благодаря этому взгляду, взгляду Вещи, как выражается Лакан: «В зрительном поле всё артикулируется в двух анатомически связанных между собой терминах – на стороне вещи располагается взгляд, то есть глядят на меня вещи, а вижу, однако, их я». [Лакан, 1964: 119]. Именно взгляд вещи огораживает в данном случае место сборки субъекта, простирает ту эстетическую перспективу, в которой получает он своё становление.

Для графирования, выписывания собственного тела нужен носитель, та поверхность, пустое место, которая была бы способна воспринять и сохранить изображение, придать ему некоторую длительность, то есть, необходима поверхность времени, которой вещи не обладают сами по себе, но которой является для субъекта желание другого. Того другого, который организует встречу субъекта с самим собою, присматривает за ним, обращается к нему, путь даже в форме подчеркнутого молчания, как это делает Зигмунд, тем не менее, он создаёт топос взгляда, место «игры под присмотром», то есть тот носитель, на который Эрнст и записывает свою игру становления: Другой – это и есть место встречи субъекта со взглядом.

В эстетическом акте всегда участвуют как минимум три стороны: субъект, двойник и другой, который удостоверяет их связь. То есть образ Я возникает в результате возвращённого от другого взгляда, той спекулятивной петли, о которой говорит Ги Лё Гофэ, когда другой провоцирует зрелище и подтверждает увиденное, придаёт ему статус реальности, переводит видение в видение. [Le Gaufey, 1997: 20]. Взгляд не может быть просто присвоен, но должен быть подарен, или субъект становится таковым, когда он одарен взглядом другого. Это эстетическое отношение к другому и создаёт ту дистанцию между субъектом и объектом, ту временную длительность, которая и является условием эстетики субъекта. Для того чтобы он завязал отношения с воображаемым другим, нужно, чтобы их кто-то представил. Как интересубъективные, так и эстетические отношения не являются автореферентными и самодостаточными (в ином случае, мы имели бы настолько тесное слипание между ними, что явление другого было бы связано с мегаломанией, а его уход повлёк бы распад собственного Я, как бывает при психозах), в отношениях этих всегда присутствует – пусть даже в виде умершей матери или наблюдающего дедушки – некто третий.

Фрейд же ещё больше усложняет ситуацию, когда переписывает увиденную сцену и посылает в обратном направлении, таким образом, чтоб его история и история внука не входили в логику прямого наследования, чтобы «его спекулятивная работа приводила к возврату чего-то другого» [Деррида, 1980: 503]: между отправителем и адресатом всегда находится агент, посредник, которого мы называем семейной структурой, в её синхронии и диахронии, или если перенимать манеру Деррида, между дедушкой и внуком стоит София, которая к моменту выхода книги уже скончалась, то есть именно она занимает в этих отношениях место мёртвого отца, посредника между Зигмундом и Эрнстом и разделителя между «*fort*» и «*da*», играет третью партию в сцене с катушкой. Именно благодаря ей игра может состояться, а история может быть записана, или благодаря её отсутствию. Она и является той «промежуточной почтовой станцией, благодаря которой письма всегда имеет возможность не дойти до адресата, и эта возможность никогда не дойти до пункта назначения разделяет структуру в самом начале игры». [Деррида, 1980: 506-507] Таким образом, она и создаёт то промежуточное место, в котором и совершается движение $S2 \rightarrow S1$ и назад: место отсутствующего – это место для движения, для работы скорби. Только в этом случае можно говорить о структуре субъекта, ведь если другой не был утрачен и всегда остаётся рядом, заполняя собой собственного Я субъекта, не давая совершиться работе скорби, то и о топической разнесённости и темпоральной длительности не может быть и речи; в меланхолическом мире нет этого возвратного движения «*da*» и его формула представляет из себя бинарное *fort/fort*.

Поскольку образ всегда наличествует, но тем самым свидетельствует об исчезновении, продолжая таким образом игру *fort/da*, ведь он всегда является результатом утраты плоти, потери своей целостности, и приходит он на место отсутствия, эстетика и есть способ субъекта совладать со своей нехваткой, способ проработки своей скорби. «Он обнаружил свое отражение в большом зеркале на подставке, достававшим почти до пола, а затем приседал на корточки, чтобы отражение уходило «прочь». [Фрейд, 1920: 239]. Субъект эстетики задан своим отношением к потере, к пустому месту другого, котором – в результате дара взгляда другого – может быть создан свой собственный образ. То есть субъект возникает из ничто, из границы реального, нащупанной этим пристальным настоятельным вглядыванием (коль скоро взгляд – это и есть ощупывание тела), из объекта скопического влечения, которое и формирует константу образа Я. Не случайно Деррида говорит о «графике края», которая и вычерчивает собственное тело мальчика, тело, которое уже не помещено в кровать (как протез материнского лона), но вынесено вовне, как тело-остаток, тело-осколок, тело-влечение. Ведь влечения – оральное, анальное, скопическое – всегда очерчивают края тела, форматируют его в соответствии со своей логикой, логикой представленной молоком, дерьмом или взглядом, – тем, что не принадлежит ни субъекту, ни объекту, но является свидетельством и следствием его отношения с другим. Но только анальная фаза создаёт возможность метафоризации желания: дать другому нечто отличное от его требования, совершить перевод его запроса на другой язык, послать его по ложному адресу, преподнести дар или обгадить его, – поэтому только в анальной фазе мы можем понять, что такое любовь.

Любовь, как определял её Лакан, это дар того, чего ты сам не имеешь, поскольку тебе он больше не принадлежит, равно и другой вряд ли сможет воспользоваться

им: то есть любовь открывает пространство по ту сторону вещей, по ту сторону пользования – *jouissance*⁴ – и владения, как и по ту сторону интерсубъективных отношений: любовь никогда не имеет только одного адресата или какого-то конкретного адресата, поскольку в любви я дарю своё собственное ничто, свою собственную толику реального, из которого и было сконструировано собственное Я. Давать то, чего не имеешь – это и значит помещать в другого не объект желания, а обнаруживать отсутствие этого объекта, ту пустоту реального, которая разверзается пропасть между субъектом и объектом. Соприкасаться с реальным посредством другого, с обличённой в другого пустотой – вот, что представляет из себя опыт любви и опыт становления субъекта. Дарить взгляд и значит передавать другому то, чего не имеешь сам, тот взгляд, который лежит в основании всякого образа, в основе субъективации в эстетическом акте. Таким образом, можно предположить существование четвёртого участника, четвёртого игрока стадии зеркала – объект взгляда.

В отношении игры *fort/da* Деррида отмечает не только символизацию утраты, но и задаёт вопрос о грамматике этой символизации: каким образом слово заступает на место утраченного материнского тела (то есть вопрос о функции отца) и в какой плоскости мы можем помыслить эквивалентность и заменяемость между ними, наконец, какова роль другого, который присутствует при этой игре и к которому, быть может, она и адресована. Не хочет ли Эрнст сказать нечто своему дедушке, разворачивая эту игру и вовлекая его в качестве зрителя, хотя тот настаивает на своей исключённости из ситуации, сведённости к объекту? (Равно и в анализе аналитик занимает место объекта, место, к которому обращаются с неким запросом или требованием, одним словом, место объекта влечения; психоаналитик и является тем местом, с которым говорят, тем, в присутствии которого что-то делают). Итак, Эрнст играет в присутствии Зигмунда, отводя ему определённое место внутри этой игры, а также внутри семейной истории, «домашней ойкономии, как выражается Деррида, ойкономии погребальной» [Деррида, 1980: 469], т.е. экономии утраты, которая не отделима от опыта вхождения в язык. Фрейд присутствует в его игре не только в качестве зрителя, соглядатая, спекулянта, но и в качестве субъекта письма: в конечном счёте, именно он создаёт симптом своего внука: историю внутри собственной истории. Ведь внук является для Фрейда символом утраты своей дочери, во всяком случае, потери своего имени в ней, рассеивания своей подписи, – именно это является условием продолжения рода: чтобы произвести потомство, она должна стать собственностью другого мужчины. Таким образом, София является утраченным членом семьи для своего отца, утраченным членом, кастрированным фаллосом, но только в качестве таковой она может продолжить род, вернув в семью Фрейда наследника Эрнста: «Фрейд возвращается к Фрейду через посредничество внука».

Семья не может воспроизводить себя сама, для её продолжения всегда требуется посредничество другого, которому отчуждается имя, того другого, в адрес которого сообщение должно быть отослано с тем, чтобы рано или поздно вернуться обратно, вернуться уже в другом поколении и в уже другой семье. Семья это и

⁴ В психоаналитическом контексте «jouissance» традиционно переводится словом наслаждение, обычно противопоставляемым удовольствию, однако, не стоит забывать о другом значении этого слова, связанного с обладанием, использованием, властвованием, значении, которое Лакан явно имел в виду, говоря о Вещи.

есть бессознательное субъекта, его способ отношения со своей утратой, со своей историей, желанием, отчуждённым другому, она задаёт такты психической жизни, колена и длительность времени и топику фантазма. Семья – это система утрат; человек входит в семью как чья-то утрата и чьё-то приобретение. Поэтому филиации, встроенность субъекта в семейные отношения, его родовая роль, важны в клинической работе вовсе не потому, что Эдипов комплекс является универсальной схемой становления субъекта и безошибочно указывает направления лечения (вовсе нет: Эдип ещё должен быть создан, должен быть мифологизирован), но в силу того, что филиации задают повседневность субъекта, его настоящее, которое обретается через утрату прошлого, через систему обмена женщинами, его реальное, которое подлежит мифологизации и его рассказанную или нерассказанную историю, которая продолжает действовать по ту сторону самих нас.

Поэтому не удивительно, что он осуществляет именно такой перевод его игре *fort/da*, выстраивает именно какую историю, упуская из неё лишь свою собственную роль, роль отца, скорбящего по дочери ничуть не меньше, чем маленький мальчик ещё не потерявший мать. Ведь скорбь – это то, что не-состоялось, потеря, оставшаяся вне времени, невременённая, поэтому и боль утраты всегда располагается во вне субъекта, это то, с чем нельзя смириться, то, что нельзя поместить внутрь.

В этой игре – замечает Деррида – отсутствует отец. Это верно как для игрока, так и для зрителя: отец мальчика находится где-то далеко, но и сам Фрейд оказывается перед фактом утраты отца, и именно к этому склоняет нас Деррида: игра Эрнста в большей мере задана не отсутствием матери, а вопросом о статусе отца – той точкой в которой смыкается желание мальчика и желание Фрейда. В этих же координатах разворачивается и перенос в аналитическом кабинете: желание аналитика встречает присутствие аналитика, который так же задан отношением к Другому, поэтому личность аналитика и оказывается тем, чем нужно пожертвовать – как говорит Лакан, – она не совершает никакой работы и в кабинете она совершенно бесполезна, а стало быть нельзя мыслить психоанализ в форме диадных или межличностных отношений.

Для Фрейда в большей степени, чем для Эрнста, женщина является предметом обмена, то есть предметом утраты и предметом желания, тем фаллосом-эстафетой, которую необходимо передать другому. Только в том случае, когда женщина принадлежит другому, она становится желанной, включается в цикл обмена и присвоения. Женщина может существовать как сексуальный объект только под чужим именем, под ликом другого, того другого, каковым она и является для мужчины, поэтому Лакан и говорит о сексуальности как маскараде, не просто выступлении под чужой личиной, а именно возможности стать другим для кого-то, возможности изменить его. Сексуальность – это и есть апелляция к Другому, тому Другому, которого не существует, но который может быть воссоздан.

Игра в *fort/da* ставит не только вопрос об утрате матери и символизации её отсутствия, но и вопрос об отношениях матери и тоже отсутствующего отца (может быть, они отсутствуют, проводя время вместе друг с другом), не удивительно поэтому, что Эрнст бросает свою катушку именно в кровать, словно интересуюсь связью между матерью и отцом и, таким образом, собственным происхождением. И в-третьих, его игра проблематизирует отцовскую функцию, ставит вопрос, как возможна символизация и эквивалентность между вещью и словом, словом и чув-

ством, словом и телом. Хотя игра разворачивается вокруг отсутствия матери, конечной её перспективой является функция отца, тот механизм при помощи которого эту утрату можно пережить, вопрос о границах самой игры, символического поля, о границах внешнего и внутреннего (кроме катушки, в игре участвует вуаль, покрывающая кровать как экран или мембрана), наконец, о границах собственного Я. Игра *fort/da* – это и есть стадия зеркала маленького Эрнста.

Деррида проблематизирует множественность, с которой имеет дело психоанализ, в его поле находится «множество субъектов действия», множество адресатов, множество эстетических актов, массовая рассылка, спам, каким, вне всякого сомнения, является наше бессознательное. Тогда как Делёз предлагал мыслить не субъекта, а его сингулярность, сингулярность акта, единичность всякого события, которое не сводимо к некоторому общему началу или примату, называемому фантазмом или структурой, которая могла бы дать код для всех проявлений, если он предпочитал мыслить становление, представленное силами, не берущими начало друг в друге и не следующими общей логике, единому вектору, то Деррида, напротив, избегает субъекта в акте его рассеивания, размножения, семейственности, производства множественности. В мире Деррида не существует ни субъекта, ни сингулярности или силы, взятой в её действии, отщеплённого влечения или точки смерти, она просто не может оказаться в фокусе по той причине, что он работает с «комбинация совокупностей», находящихся в постоянном повторении и становлении.

Именно такова для Деррида инстанция Я. В отличие от Лакана, он мыслит во-ображаемое не как процесс собирания образа собственного тела посредством идентификации и интродукции других, но ещё и как процесс рассеивания этого образа, процесс создания других, письма от Я к Нам. Собственное Я постоянно пребывает в процессе «появления-исчезновения самого себя, он сам часть своей игры», [Деррида, 1980: 485], процессе во-ображения – без-образия, вводящей субъекта в цикл утрат и обретений, во всей их диспропорции, игру *fort/da*, в которой субъект является лишь одним из возможных следствий, одной из функций извлечения пользы.

Деррида ставит вопрос о переносе в связи с концом интерпретации, говоря о «провале чисто интерпретативного психоанализа» [Деррида, 1980: 528], тем самым он указывает на тупик всякого толкования, движущегося от *S1* к *S2*, толкования, которое ориентировано на познание и прояснение неосознанных мотиваций и не принимает в расчёт присутствие другого, которому это знание вменено, в котором оно предполагается, то есть отношения переноса. Анализ всегда движется благодаря желанию знать, иметь то знание, что находится у другого. Тем не менее, прирост знания о субъекте вообще не является целью психоанализа, поскольку в его фокусе находится не динамика означающего, а судьба влечений, не логика символического, а пустота реального, куда и помещён субъект; именно это место в реальном поздний Лакан называет структурой субъекта. Поэтому и клиническая динамика движется от субъекта предполагаемого знания – к субъекту поступка, поступка, способного изменить положение субъекта в реальном.

Воздействие на реальное посредством интерпретации возможно лишь в ситуации переноса, приближения субъекта к его влечениям, поэтому толкование представляет собой не столько обнаружение скрытых смыслов, сколько прояснение отношения субъекта к некому пустому месту, на которое он ставит другого, аналитика, наделяет его знанием, обращается к нему с требованием: интерпретировать –

это значит вернуть пациенту его запроса таким образом, чтобы обнаружить отсутствие адресата – «эффект ещё сильнее от того, что аналитика там нет собственной персоной» [Деррида, 1980: 529] – и тем самым поставить вопрос о самой форме этого обращения, о бессознательном отношении к другому, об удовольствии, то есть о тех местах, тех инстанциях, с прохождением которых и связана судьба его влечений. Интерпретация работает только в месте влечения, вместе с влечением, движется с ним в одном направлении, открывая его траекторию и побуждая пролагать новые пути, поэтому она должна опираться на отношения переноса. Интерпретировать – это значит ставить под вопрос само место и время субъекта.

Поэтому интерпретация должна принимать в расчёт не только переносные отношения с другим, но и временное измерение этих отношений, то последствие и тот принцип повторения, который работает в переносе. «Поддерживаются только предшествующие связи» [Деррида, 1980: 522], – говорит Деррида. Принцип навязчивого повторения вскрывает здесь тот атезис, который не отсылает к диалектике означающих, но коренится во всегда предшествующем «ничто», занимающем одно и то же место в реальном, «не совершающем ни одного шага», как говорит Деррида, в котором и задаётся структура субъекта. Перенос не просто возвращает субъекта к отношениям со значимыми родительскими фигурами прошлого, а всегда возвращает субъекта к его предшествующим, несимволизируемым остаткам – объектам влечений – приближение которых связано с появлением тревоги, поскольку «реализуется великая угроза возврата» [Деррида, 1980: 543]. Не случайно Деррида упоминает о жутком, свидетельствующем о коллапсе эстетики субъекта, об отпадении взгляда от образа. Подобным образом и перенос всегда отделяет я от другого и ставит под вопрос саму эстетику субъекту, порядок его сборки, инструкцию, по которой был создан образ собственного я. Перенос разделяет субъекта. Разделяет образ и взгляд, собственное я и другого, создавая эффект жуткого, встречи субъекта со взглядом. Поскольку принцип навязчивого повторения является «более изначальным, нежели эстетика субъекта, он независим от неё» [Деррида, 1980: 535], то он постоянно подрывает диалектику *fort/da*, возвращает влечения к их неудовлетворённости, тем самым побуждая их искать иную цель.

В аналитической ситуации мы имеем дело с изолированной работой всех трёх принципов: удовольствия, реальности и навязчивого повторения. Во-первых, отношения переноса изначально искусственны и вписаны в аналитический кадр, а значит удовлетворение запросов, нужд и требований лежит за бортом этих отношений. Во-вторых, в процессе анализа принцип навязчивого повторения может быть отделён от принципа удовольствия, ведь аналитик никогда не занимает то место, которое ему предписано в фантазме пациента, он никогда не принимает внутрь тот объект влечения, который адресован ему пациентом. И поэтому, как говорит Деррида «принцип навязчивого повторения в неврозе переноса является одним из главных условий анализа» [Деррида, 1980: 551]. То есть именно интерпретация переноса принуждает энергию влечений совершать центробежное, круговое движение, не позволяя им попасть в цель; пациент не находит в аналитике своего объекта. В этом движении, которое воздаёт перенос, в его центрифуге, реальное способно отделиться от символического. Перенос не просто ведёт субъекта по ту сторону принципа удовольствия, но провоцирует перезапись – именно это слово Фрейд впервые использует для определения феномена переноса в 1905 году – собственно-

го я, возвращение к той травме, шраму нарциссизма, рубцу реального и символического, который и представляет из себя субъект. Метод психоанализа рождается у Фрейда именно в связи с идеей перезаписи травмы, то есть реализации – вписывания в реальность – и овременения, постоянного откладывания, отсрочивания встречи с первичным процессом.

Травма – это то, что произошло не вовремя, та встреча с объектом, которая не была экранирована принципом удовольствия: о травматических неврозах Фрейд говорит, что «они служат другой задаче, решение которой должно предшествовать моменту, когда войдёт в действие господство принципа удовольствия». [Деррида, 1980: 545]. То есть травма относится к такту более раннему, нежели принцип удовольствия, поэтому она не маркируется в режиме удовольствие/неудовольствие, а связана с тревогой – то есть угрозой распада субъекта – нежели с болью или скорбью, которая может возникнуть лишь последствием как эффект перезаписи, если травма станет частью реальности. Иными словами, чтобы травма стала болезненной, ощутимой, её необходимо поместить внутрь, чего не может сделать, например, психотический субъект: визуальные и слуховые галлюцинации приходят к нему извне и не отсылают в его истории, а потому не причиняют ему боли. Но вселяют тревогу, тревогу, которая свидетельствует об отрицании первичности удовольствия, об атезисе или, как выражается Фрейд, об отбрасывании – *Verwerfung* – закона. [Фрейд, 1918: 402]. Но в случае неврозов «этот закон не является «опровергнутым», исключение не выступает против закона, оно ему предшествует. В законе есть нечто более изначальное, чем сам закон. Он (закон) смог, как кажется, определить функцию сновидения только после установления господства ПУ» [Деррида, 1980: 546].

Закон является следствием утраты и возможен только в результате принятия этой утраты, и только когда закон вступил в силу, утрата может быть записана в психическом аппарате как боли или как траур. Закон всегда приходит в форме кастрации и вступить в силу он может только в том случае, если кастрация эта принята, усвоена, создана. Ведь маленький Эрнст делает именно это: он создаёт свою утрату, помещает её внутрь своего психического мира, ведь кроватка, в которую он забрасывает катушку – это и есть образ его собственного тела. Именно таким образом – от утраты к боли, от греха к закону, от взгляда к образу – в эффекте последствия и возможна эстетика субъекта, создание образа собственного тела.

II. АТЕЗИС КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ⁵

Для обозначения неналичия Деррида вводит понятие атезиса – ещё одно имя для того, что в книге 1967 года Деррида называл «следом»: а-тезис – это отринутый тезис или тезис-отказник, не снятый в гегелевском смысле, а именно удалённый, тезис, который репрезентирует чистое отрицание, но не противопоставление, поскольку у него вообще не может быть антитезиса; это тезис выпавший из системы бинарных оппозиций. Таково же и бессознательное: оно не знает противоположностей и не работает в логике тезис-антитезис, но часто заявляет о себе форме

⁵ Подробнее о понятии «Атезис» см. Словарь Группы Лакановского Психоанализа: <http://katooshka.ru/glossary>

отрицания, как говорит Фрейд, «отрицание представляет собой способ ознакомиться с вытесненным, в сущности, это уже устранение вытеснения, но, разумеется, ещё не принятие вытесненного» [Фрейд, 1925: 401].

Атезис отсылает к некоторому предполагаемому тезису, к ядру первовытесненного, прото-следу, который на проверку отказывается неналичествует ни в прошлом, ни в настоящем, но имеет последствия в будущем; атезис представляет собой становление некоторого смысла, поэтому, атезис всегда работает в ретроспективной логике, логике восполнения, поэтому Деррида говорит: «Я приступаю к этой книге, как будто уже были написаны первые слова этого произведения» [Деррида, 1980: 402], так, словно он возвращается к уже сказанному ранее, отринутому, или вытесненному.

Именно о временном изменении бессознательного ставит вопрос Деррида, когда говорит, что «суть проблемы, состоит в том, чтобы отследить последствия того, о чем мы не помним». [Деррида, 1980: 402]. Бессознательное не является ни частью прошлого, предыдущей записью, с которым можно сверяться во время проработки и к которой можно апеллировать в клинической работе, ни фактом настоящего, поскольку всегда восполняет некоторую уже состоявшуюся историю, нечто имевшее место. Поэтому вытесненное не подлежит возвращению, но лишь реконструкции, которая позволила бы «отследить последствия», увидеть (1) логику становления бессознательного, которую Лакан называет фантазмом субъекта, и (2) работу времени внутри психического аппарата, того времени, которое и лежат в основании субъективации. Субъект – это то время, которое требуется психике для выполнения той или иной задачи, время для перезаписи.

Бессознательное всегда представляет собой следствие, причины которого могут быть реконструированы только в ходе следования его собственной логике, только в ходе работы самого бессознательного. Поэтому Феликс Гваттари в книге «Шизоаналитическая картография» говорит, что истолковать оговорку – это самый худший шаг, который можно по отношению к ней предпринять, ибо анализу должно последовать за этой оговоркой, дабы воссоздать ту логику, которая управляет поведением этой оговорки.

Деррида говорит не об отрицании, а об уклонении как механизме становления субъекта, формирования его образа. Фрейд создаёт психоанализ, подчёркнуто избегая философских спекуляций, «избегал приближения к собственной философии», как говорит он сам, тогда как именно они – спекуляции Ницше и Шопенгауэра – ложатся в основу прото-истории психоанализа, делаются прото-следом его теории. Именно в отказе от наследия Фрейда удаётся «основать другую генеалогию», подобно Моисею, стать автором новой автореферентной истории, летописи, отсылающей к себе же самой.

«Уклонение никогда не позволяет избежать неизбежного, жертвой которого оно уже является» [Деррида, 1980: 408]. Таким образом, психоанализ исторически развивается по законам психоанализа: уклонение от ближайшего объекта влечения и ложится в основание принципа удовольствия, который – совершая свой скорбный путь – постоянно продолжает циркулировать, пульсировать вокруг этой утраты, как говорит Деррида, «создавая-разрушая себя согласно нескончаемому обходному пути (*Umweg*), который он «сам» описывает, пишет и переписывает заново». [Деррида, 1980: 418]. Принцип удовольствия – это и есть тот обходной путь от

утраты объекта к способу эту утрату принять, восполнить и протезировать эту нехватку, то есть создать симптом, путь нуждающийся в постоянном торении. Лакан показывает, что цель влечения состоит именно «в возврате по замкнутому контуру» [Лакан, 1964: 190] и обретении целостного эстетического образа, устойчивого трафика движения удовольствия.

Таким образом, в основании принципа удовольствия лежит иной механизм, «он будто бы принимает форму повторения, больше не обращая внимания на принцип удовольствия, и даже будто бы обладает верховенством над ним», принцип навязчивого повторения и является тем демоном, который действует по ту сторону принципа удовольствия и не позволяет психическому аппарату достичь нулевого уровня нагрузки, предписывая субъекту нескончаемое центробежное движение от смерти. «Принцип удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти», [Фрейд, 1920: 377], тогда как функция принципа повторения состоит в постоянном переадресации этого влечения и отсрочивании смерти. То есть принцип повторения вторгается и деконструирует – или, выражаясь словами Лакана, демонтирует – влечения, создавая коллаж, таким образом, что «воссоединяет их, не укладывая в форму, облакаемую системой». [Деррида, 1980: 423] Именно принцип повторения деконструирует машину влечений, то есть понуждает пролагать всё новые и новые пути, представления и записи.

Именно машина эстетической дессиминаций, производящая частичность образов, возвращающая влечения к их парциальности, машина письма и есть тот призрак, бог-из-машины или «рука, появляющаяся из стены и чертящая незнакомые слова на пиру Балтазара», который не имеет оригинала, он не находится ни в прошлом, ни в будущем, но, как говорит Деррида в книге «Призраки Маркса» [Деррида, 1993: 10] только вера в признаков позволяет нам верить в будущее. Призрак не имеет прошлого, но имеет историю, которая всегда сказывается на будущем. Поэтому можно заключить, что бессознательное – это такой же призрак, который нуждается в восполнении, но не доказательстве, которые сказывается в реальности, даже если сам ей не принадлежит.

Если теория психоанализа Лакана совершала движение от картезианского «я мыслю» к структуралистскому «оно говорит», то Деррида ставит в основание своей реконструкции мысли Фрейда концепт письма, субъект-объектного отношения, и совершает движение от «оно говорит» к я собирает себя в эстетическом акте. Письмо таким образом совершает двойную процедуру: во-первых, оно рассеивает идентичность образа субъекта, равно как и работа сновидения, – говорит Фрейд, – распыляет личность сновидца, а во-вторых, письмо задаёт саму топикку, местопребывание, размечает картину субъекта, которую Фрейд и называет психическим аппаратом, и устанавливает трафик движения между ними, циркуляцию либидо. Таким образом, концепт письма позволяет описать и топикку и экономику психического аппарата.

Выписанное бессознательное никогда не имеет одного адресата (оно всегда обращено к нескольким получателям), так же как не имеет субъекта, отправителя, который будет определён в зависимости от пути следования и от получателя. Поэтому бессознательное вовсе не предписано субъекту, его ещё нужно суметь отправить и суметь получить. Поскольку «без возврата к отправителю обязательство подвержено забвению, даже по мере того, как оно становится неопровержимым, не-

расторжимым». [Деррида, 1980: 441]. Поэтому субъект представляет собой ретроспективное движение от получения к реконструкции отправления и временной промежуток, в который это движение может совершиться, как «фактор отсрочки».

Удовольствие же всегда является результатом возвратного движения, – поэтому Деррида вполне естественно сомневается в его первичности и очевидности, – и возникает удовольствие лишь в результате отчуждения, когда оно прописано, когда оно признанно, в тот самый момент, когда оно уже проделало обратный путь к инстанции Я. На это же указывает и Лакан в семинаре «Объектные отношения»: «Немецкое Lust, – говорит он в семинаре «Объектные отношения», – обладает двойным смыслом, который Фрейд подчеркивает, а именно, удовольствие и зависть, то есть называет вещи, которые могут показаться взаимоисключающими, но которые оказываются гораздо более близки на опыте, ведь удовольствие связано не с досугом, а именно с завистью или с эрекцией желания». [Lacan 1956/57: 145]

Инстанция Я появляется лишь в результате удовлетворительного возвращения к самому себе некоторого отправления, маркированного как «удовольствие», сообщения, автор которого будет определён лишь задним числом, которое будет подписано лишь в момент получения. Я – это и эффект принципа удовольствия, и гарант поддержания его постоянства, «распределения количество энергии по нескольким различным каналам вместо одного» [Лакан, 1954/55: 161].

Однако в отличие от Лакана, Деррида настаивает на том, что письмо не актуализирует присутствию другого (оно вообще не обращено кому-то персонально), а всегда вскрывает историю отношений, сообщений с другими и историю становления субъекта в качестве отправителя и получателя удовольствия, то есть письмо свидетельствует не о субъекте означающего и его месте в поле Другого, а о проделанном через инстанции бессознательного пути, о выполненной работе внутри психического аппарата и о затраченном времени. Для Деррида, Другой – это время, а не место действия, это путь следования, а не присутствие. Последнее вообще вряд ли возможно в психическом аппарате, которые представляет собой машину перезаписи, основополагающим актом которой был перевод, автореферентное, «гетеротавологичное», как выражается Деррида, сообщение.

Таким же образом, Деррида мыслит и акт основания психоанализа: «Фрейд писал как будто себе. Самому себе, словно кто-то послал себе сообщение, осведомляясь заказным письмом на гербовой бумаге о существовании в действительности некой теоретической истории, которой он сам, таково содержание сообщения, положил начало» [Деррида, 1980: 426] Но таково начало любой теории, как любой письменности, как и любой психической системы: в его основе лежит повторение, обращение одного автореферентного послания, которое, как выражается Деррида, «связывает господина только с самим собой».

В развитии психоанализа Фрейд не опирался на имеющиеся академические институты функционирования знания, хотя и предполагал до последних дней, что вся его теория рано или поздно сможет быть объяснена языком строгой науки. Двигателем психоанализа – в истории знания случай очень редкий – стала опора на собственное желание, а не апелляция к же имеющемуся знанию или признанию, поэтому, как говорит Деррида, «он не знает и не говорит, о чём он ведёт речь» [Деррида, 1980: 430], и именно это позволило создать дискурс, принципиально отличный от дискурса университета, как показывает Лакан в семинаре «Изнанка пси-

хоанализа». Получение знание вообще не является целью психоанализа – поэтому с большим сомнением можно говорить о теории психоанализа – но является его следствием. Психоанализ оказывается внеположен всем прочим дискурсам именно потому, что он является а-тезисом знания.

Этот же принцип был положен Лаканом в основание его дидактического анализа и нашёл выражение в его идее о самонаречении аналитика: только сам субъект может принять решение о начале клинической практики, выступив получателем собой же отправленного запроса. В основании всякого именованного лежит тавтология, особое означающее, отсылающее лишь к самому себе и опирающееся лишь на желание отправителя, и, тем самым, претендующее на начало новой генеалогии. Означающее, становящееся подписью, поскольку подпись – это не только репрезентант имени, но и геральдическая эмблема, которая скрепляет образ и символ, возвращая ему его непереводаемость и унарность. История психоанализа начинается с подписи Фрейда под этой историей, равно как картины Дали начинались с подписывания чистых холстов.

Деррида вполне справедливо ставит вопрос об изначальности принципа удовольствия и о соотношении принципа удовольствия и принципа навязчивого повторения, то есть закона распределения, «закона избегания». [Деррида, 1980: 428]. Насколько корректно допущение Фрейда о первенстве принципа удовольствия и его примате в психической жизни? И не является ли удовольствие само по себе эффектом избегания наслаждения, уклонения от того неизбежного, которое свершится в любом случае, того неизбежного, которое Лакан именует Реальным, не подлежащим символизации и всегда возвращающимся на прежнее место? Не является ли удовольствие эффектом принципа повторения, коль скоро оно, удовольствие, представляет собой единственный допустимый способ «обходного пути, чтобы отсрочить наслаждение» [Деррида, 1980: 440], и в то же время протезировать эту нехватку, проторенный и выверенный путь округ этой фундаментальной для субъекта утраты?

Принцип удовольствия не противостоит принципу реальности, – последний можно понимать как овременение психической жизни, – но не является его отправным пунктом, его оригиналом, подлежащем перезаписи: между ними находится пустота, которая требует поиска и торения обходного пути. Деррида говорит о принципе реальности как о слуге, который следуя гегелевской диалектике, делает своего господина зависимым от его собственной власти. Принцип реальности – будучи хронографией принципа удовольствия – тем не менее, задаёт основания для функционирования психического аппарата, создаёт психическую реальность, не описываемую принципом удовольствия и не выводимую из него, и воссоздаёт принцип удовольствия в ином качестве.

Если удовольствие можно мыслить как путь избегания наслаждения посредством его символизации, замещения и откладывания, то оно и окажется эффектом принципа реальности, тем (прото)следом, предполагаемым началом психики, о котором можно говорить лишь пост-фактум, то есть в ситуации уже сложившейся психической реальности. Принцип реальности создаёт своей собственной закон и делает это столь же произвольно и автореферентно, как и всякий закон, который связывает господина только с самим собой: «он пишет самому себе, посылает это самому себе» [Деррида, 1980: 440], принцип реальности приносит свою букву, свою логику, то есть является самонареченным господином, который заключает до-

говор с самим собой, поэтому «возврат себе обеспечить невозможно» [Деррида, 1980: 441], принцип удовольствия – при новом режиме – функционирует так, словно его первенство является мифическим.

Деррида не столько стремится создать концепт, объединивший бы топическую, динамическую и экономическую перспективы Фрейда, сколько задать вопрос об их переходности: роли принципа удовольствия и принципа реальности в горизонте влечения к смерти, их подчинении, форме того «служения», о котором говорит классик, диалектике господина и раба или взаимно-переходности первичного и вторичного, критикой которых вдохновлен весь проект деконструкции. Именно поэтому Деррида привносит в топологию Фрейда новый элемент, который никогда не мыслился как особый принцип работы психического аппарата, никогда не стоял в одном ряду с четырьмя другими принципами, но который, вместе с тем, создавал переходность между ними, образовывал их суставы, и являлся исходным пунктом всей метапсихологии Фрейда – принцип времени.

Таким образом, Деррида пытается тематизировать сам возвратный акт пересылки сообщения, эффект последствия, полагая, что инстанции являются лишь его эффектами: «Удовольствие и реальность в чистом виде являются крайне идеальными понятиями, проще сказать, фикцией» [Деррида, 1980: 444]. Психическая инстанция возникает лишь в результате возвращения в неё из неё же отправленного сообщения, поэтому о сознании можно говорить лишь в результате возвращения вытесненного, равно как и бессознательное обнаруживает себя в невозможности этого возвращения, в сбое почтовой системы, в нарушении энергетического равновесия.

Ход Деррида тем более был неожиданным, что он называет время функцией, одним из членов уравнения, в которое в виде неизвестных входят и два психических принципа, предполагая, что за временем также стоит влечение. Время теряет всякое субъективное измерение, обретая место на стороне влечений, которые циркулируют независимо от намерений и желаний субъекта, а некоторые из них вообще «не участвуют в синтезе Я» [Деррида, 1980: 451]: время – это и есть судьба влечений, карта их геологической активности, поэтому для Деррида невозможно мыслить удовольствие и реальность вне временной протяжённости. Психический аппарат в этом случае становится уже не топической данностью, а сочленением времени движения либидо и местами его прерываниями, т.е. хронотопом или коллайдером, в котором заряженные пучки либидо движутся одновременно в двух противоположных направлениях, проторивая новые кольцевые пути и давая начало новым полям, квантам и частиц.

Поэтому согласно Деррида уже нельзя говорить о развитии психики от принципа удовольствия к принципу реальности, от орального влечения – к анальному, от требования – к желанию, поскольку они вообще не существуют вне этой транзитивности, вне динамики, вне их переходности. Все влечения не только частичны, но и являются квантами психического поля, то есть их энергию нельзя мыслить изолированно от их скорости прохождения и времени, которое требуется для завершения их работы. Парадокс Фрейда состоит в том, что хотя бессознательное и не знает времени, но работа влечений всегда создаёт это время, задаёт ту логику, законы их электромагнитного взаимодействия: притяжения и отталкивания, отнятия энергии и нагрузок. То есть время нужно понимать как логику работы психического аппарата.

Этим же вопросом задаётся и Лакан, когда говорит о логического времени и понимает его не как о хронологическую последовательности прохождения стадий психосексуального развития, от ранних к более поздним, а как о законе конституирования психического мира. Говоря о трёх тактах Эдипа в V семинаре, он имеет в виду время, необходимое для создания метафоры, заступления означаемого на место требования, замещении материнского желания законом отца [Лакан, 1957/58: 205-226], или, выражаясь словами Деррида, переадресации влечения к смерти нескольким другим адресатам, отваживая его от его непосредственной цели.

И двумя годами позже, вслед за трёхчленом Деррида, Лакан ставит вопрос логического времени в связи с перезаписью принципа удовольствия: «Задача Фрейда состоит в том, чтобы объяснить нам, каким образом осуществляются операции возврата и сдерживания, то есть каким образом механизм, обеспечивающий вторичные процессы, позволяет избежать катастрофических срывов, к которым привело бы высвобождение механизма удовольствия хотя бы одним таким позже или раньше, чем следует». [Лакан, 1959/60: 40-41].

Именно время – с его необратимостью – обеспечивает эффект последствия и невозможность возвращения на прежнее место, регрессии к оригиналу, создаёт то несовпадение, зазор между получателем и отправителем, означаемым и смыслом, субъектом и Другим, который, заимствуя понятие Маркса, можно назвать «прибавочной стоимостью».

В последствии принцип удовольствия создаёт прибавочный продукт, равно как обращение Товар-Деньги-Товар создаёт прибыль. Получение прибыли требует времени, равно как и получение удовольствия предполагает ожидание, чтобы получить удовольствие – нужно сперва вложить его по высокой процентной ставке. Удовольствие представляет собой отсрочку, замещение связывание наслаждения в единственный, удобоваримый в психической реальности формат, репрезентирует его, как деньги репрезентируют вложенный в товар труд, – столь же призрачную категорию, как и сама психика. Удовольствие представляет собой сообщение, прошедшее регистрацию в разных инстанциях, поэтому оно всегда предстаёт в конвертированной форме и никогда не является сполна, «удовольствию вообще никогда не суждено появиться» [Деррида, 1980: 447] – говорит Деррида, но, в то же время, нам надо признать, что удовольствие не может и не существовать: все влечения находят его, окольным – и неведомыми нам – путями получает удовлетворение, в силу которого бессознательное и существует.

Оно является результатом обмена Удовольствие-Реальность-Удовольствие, в котором рождается этот излишек, дополнительная величина, которую Лакан называл прибавочным наслаждением, что не поддаётся конвертации и не находит себе представителей в символическом регистре, то наслаждение, которое своей неподвижностью свидетельствует о Реальном, даёт точку опоры в этом Реальном. Равно как масса частицы является результатом сопротивления поля Хиггса, так и бессознательное возникает в результате прохождения частиц влечений через ряд инстанций и возвращения в исходную точку Реального, точку смерти. [Лакан, 1958: 587].

Вся его формула приравнена к смерти, но она не является противоположностью жизни влечений, неким их окончанием, но их а-тезисом; влечение к смерти не является изнанкой влечения к жизни, поскольку прямых оппозиций не может быть так же, как и обратимости или взаимозамещений. «смерть уже не поддаётся проти-

вопоставлению жизнь/смерть». [Деррида, 1980: 445]. Смерть входит в уравнение на правах четвёртого неизвестного, равно как и в клинике она является «четвёртым игроком», точкой опоры, вокруг которой разворачивается аналитическая ситуация, о чём говорит Лакан в *Direction de la cure*. [Lacan, 1958: 590]. Смерть привносит ту толику Реального, которое всегда возвращается на одно и то же место и не подлежит расщеплению, записи и пересылке, то есть смерть является обратной стороной времени, гасящей циркуляцию либидо и устраняющей пролёт между принципом реальности и принципом удовольствия.

Поскольку все влечения парциальны и не существует никакого целостного сексуального влечения – оральное и анальное влечение, как говорит Фрейд, лишь объединяются под приматом гениальности – поэтому «сексуальное начало никак не связывается с удовольствием, с наслаждением» [Деррида, 1980: 447]. Парадоксальный вывод может быть смягчён тем фактом, что не существует никакого сексуального начала, поскольку сексуальность – это социальность, то есть та множественность адресатов, по преимуществу бессознательных, в отношении с которыми включён субъект, это та рассылка, в которую уходит сообщение от Я написанное Нам.

Общая критика структурализма Деррида обретает психоаналитическую направленность: здесь он говорит уже не об ограниченности лингвистических парадигм в клинике, а о том, что психика вообще не сводится просто к структурам языка и не описывается механизмами работы означающего.

Тезис, с которым Лакан вошёл в теорию психоанализа и которых сделал ему славу, состоит в том, что в самом основании субъекта лежит его встреча с означающим, поэтому даже с самыми тяжёлыми психотическими расстройствами – с которыми он работал более 40 лет – возможна перезапись внутри психического аппарата и перевод предметных представлений в словесные, вместе с тем, его гипотезу о том, что «бессознательное структурировано как язык» нельзя понимать буквально, в том духе, что бессознательное – это и есть язык, а психоаналитическое лечение представляет собой своеобразную лингвистическую игру между анализантом и психоаналитиком, где задачей последнего является выудить в речи «главствующее означающее» и дать его интерпретацию.

Несмотря на то, что координаты становления субъекта заданы актом его встречи со словом, сам субъект не равен означающему, не сводим к нему, но является эффектом этой встречи, её неразложимым осадком, последствием, которое оказывает речь, как говорит Лакан в семинаре «Четыре основные понятия психоанализа». Бессознательное, таким образом, постоянно находится в процессе производства субъективности, её следов, которые не редуцируемы один к другому и не вписываются в определённую лингвистическую парадигму. В тезисе Лакана центральное место занимает подобие: бессознательное структурировано как язык, оно работает по схожим правилам, но не исчерпывается законами лингвистики, поэтому и «клиника означающего» является лишь одним из возможных психоаналитических методов работы с бессознательным.

Этот пост-структуралистский ход Деррида вполне соотносим с желанием Лакана мыслить бессознательное не как язык, а как рече-бытие (*perlêtre*), которое представляет собой единство всех трёх психических регистров.

В семинаре «Изнанка психоанализа» Лакан говорит: «Всё дело в том, что на самом деле дискурс может прекрасно обходиться без слов. Он сохраняется в опреде-

лётного рода базовых отношениях. Эти последние невозможно, строго говоря, без языка поддерживать». [Лакан, 1969/70: 9]. То есть язык представляет собой способ поддержания бессознательного, один из его инструментов, поэтому оно не может быть сведено только к работе означающего. Нечто всегда находится по ту сторону языковой деятельности в качестве его изнанки, то «влечение к смерти, – как выражается Деррида, – которое ни о чём не говорит» [Деррида, 1980: 463], то молчание и постоянство реального, что и является условием всякой речи, производства и признания своей истории, *causa realis* всякого психического движения от *S2* к *S1*. В этом случае симптом можно толковать как момент приостановки либидо, прекращения движения и загустевания в одной из инстанций, связанный как с наслаждением, так и с болью; симптом представляет собой неподвижность, зависание в точке *S2*.

Принцип навязчивого повторения – который заявляет о себе в игре *fort/da* – часто соотносят с языком и автоматизмом, благодаря которому означающее этот поддерживает своё функционирование, тогда как Деррида говорит о принципе навязчивого повторения как о молчании, которое лежит в основании символической деятельности, в качестве её изнанки. Принцип повторения ничего не говорит по той простой причине, что он является кодом, грамматикой, которая сама не будучи сообщением, не несёт никакой информации, её «нельзя назвать «формой» текста, текста без содержания, без тезиса, без объекта» [Деррида, 1980: 463], но которая, тем не менее, является условием для всякого возможного сообщения и становления субъекта; принцип повторения создаёт топик и устанавливает ритм работы психического аппарата, частичные влечения и поля, те поля Другого, в которых и происходит либидинальное движение.

Во-вторых, принцип повторения возвращает субъекта к его расщеплению, к факту присутствия реального в его психической структуре, той «остаточности», о которой говорит Деррида и которая не отсылает ни к другому, ни к удовольствию, ни к реальности, и находится по ту сторону всякого знания о самом себе. «Повторение связано определённым образом с тем, что является пределом этого знания и именуется нами наслаждением» [Лакан, 1969/70: 12]. То есть повторение влечёт не прирост знания, а его аннигиляцию, с возникновением такого означающего, который войдя в систему сообщений возвал бы к иной кодировке, оно всегда преподносит субъекту его выбор в качестве совершённого, или выражаясь словами Пикассо, оно не ищет, а находит. Принцип повторения не вызывает к поиску, она ставит субъекта перед его пустотой, перед его расщеплённостью и наслаждением. Именно с привнесением идеи последнего в теорию дискурсов связан переход Лакана по ту сторону структурализма и поворотом в методологии и теории психоанализа.

В-третьих, принцип повторения ничего не говорит, потому что он работает в логике де-монстрации, развеществления реальности, а потому не сводим к принципу удовольствия, его модификациям и истории его записей. Но «даёт доказательства, ничего не показывая, не делая очевидным вывод, не давая ничего вынести для себя, не выделяя тезиса» [Деррида, 1980: 463], то есть принцип повторения постоянно демонстрирует субъекту артефакты его прошлого, которые ещё не нашли отражения в его истории, а значит требуют создания новой генеалогии и новой «технологии себя», если выражаться словами Фуко. Принцип навязчивого повторения следует понимать не как машину перезаписи, а как эстетическую машину виде-

ния, демонстрации, которая ничего не объясняет, но уже подчиняет субъекта новой логике, новой оптике, в которой он призван обнаружить своё тело.

Одним из основных спекулятивных выводов Фрейда является заключение о том, что возникновением нового мы обязаны именно принципу повторения, который не позволяя субъекту завершиться в пределах одной формы высказывания, одного диагноза или структуры, только благодаря влечению к повторению психика может совершать проработку, возвращать вытесненное и таким образом создать топику бессознательного. Постоянно напоминающие о себе влечения к смерти попукают бессознательное избрать обходной манёвр, который и подвигает его на постоянную символизацию и выписывание своей истории, своей траектории, торение новых путей. Новое, таким образом, никогда не вписывается в систему знания, в некотором смысле, работая против него, оно вносит пробелы, зазоры и молчание, то молчание, которое только и создаёт смысл и движение внутри психического аппарата. Что верно и для клинической ситуации, когда интерпретация создаёт ту систему различий или «дифференциации», которая была бы способна реконструировать имеющееся знание.

III. ВРЕМЯ КАК ОБЖИВАНИЕ СМЕРТИ

Одной из заслуг Фрейда является переосмысление роли времени в структуре субъекта, поскольку он предлагает мыслить время не линейно и не дискретно, каждый момент в его сингулярности, а *атетически* – то есть движущимся одновременно в двух направлениях. Поэтому жизнь для него встроена в логику возвращения к смерти, представляет собой отсрочку смерти, зазор внутри неё, поэтому жизнь и нельзя мыслить как процесс развития от простых форм к более сложным или как процесс прохождения определённых стадий – Фрейду вообще чужд педагогический дискурс – жизнь не является развитием, а представляет собой возвращение, возвращение к объекту своего влечения. Даже в материализме Энгельса жизнь представляет собой «химическое обновление частей тел», то есть процесс отмирания и восполнения «белковых тел», процесс обживания смерти, который Деррида предлагает мыслить как ещё одно влечение – влечение к присущему.

Жизнь встроена в закон смерти, как выражается Деррида, «смерть образует угол сама с собой» [Деррида, 1980: 555], огибает сама себя в поиске самой же себя, в поиске наиболее сингулярного или, выражаясь словами Хайдеггера, «наиболее своего» бытия к смерти, поэтому и жизнь возможна лишь в том, случае, если влечения направлены в сторону смерти, вышли на её орбиту, в том случае, когда субъектом между полнотой бытия и смертью в качестве своей судьбы избрана последняя. В этом выборе, который в последствии представлен субъекту как уже совершённый, и сказывается то, что Лакан называет предопределением структуры, а Деррида описывает как влечение к присущему, к выбору своей смерти.

Смерть образует угол сама с собой, который является ещё и сектором, перспективой, углом зрения, это фокус эстетической сборки субъекта. Да и живым мы называем только то, что взято в горизонте смерти, то бытие, что увидено под её углом, обведено и отрезано взглядом: взглядом кастрирующим и создающим образ. Ведь взгляд – это и есть форма утраты, о чём говорит нам миф об Орфее и о чём

напоминает Фрейд, когда сравнивает игру в катушку и игру перед зеркалом. Иными словами, видеть мы можем только то, что имеет образ, а значит смертно, бессмертное же не только не представимо и без-образно, но и вообще не охватывается взглядом, а само является им. Именно эту оптику, работающую по законам смерти, тот способ располагания/расположения себя и присвоения взгляда, который каждый практикует в зависимости от своей структуры, мы и можем называть субъектом. Тот отрезок или ту герметическую функцию, которая позволяет достроить этот угол смерти до завершённой фигуры, до образа собственного Я.

В этом переходе от машины означивания к углу взгляда и состоит критика направленная против структурализма с его доминантой означающего. Субъект точнее понимать не как означающее представленное для другого означающего, но как призму внутри оптической машины, способ преломления взгляда направленного на ничто, из которого в конечном счёте и создаётся тело, того взгляда, огибающего самого себя. Субъект не сводим просто к представленности или к образу, поскольку сам этот образ является орбитой или проходным местом, местом Anschluss – присвоения и перемены – взгляда. Поэтому субъекта я предложил бы понимать как способ обращения – как в экономическом, так и в астрономическом смысле – способ обращения вокруг точки смерти, вокруг ничто.

Субъект для Фрейда не является более субстанцией, а представляет собой местоположение, он всегда задан своим отношением к конечности, к своему пределу, границе, которую и обозначают влечения, задавая разницу между внешним и внутренним. И смерть, по мысли Деррида, «запечатлевается как внутренний закон» [Деррида, 1980: 554], или закон овнутрения, закон интроспекции, помещения внутрь утраченного объекта. Не случайно поэтому, что в книге «Психология масс и анализ Я» Фрейд говорит об интроспекции как о символизации утраты; объект может быть интроспектирован только в форме замещающего его представления и может появиться во внутреннем мире человека только в результате репрезентации утраченного элемента реального. [Фрейд, 1921: 98] И чуть раньше в работе «Скорбь и меланхолия» он говорит об интроспекции объекта в Я, и образовании, таким образом, новой инстанции «*Ichkritik*»: «Таким образом утрата объекта превратилась в утрату Я, а конфликт между Я и любимым человеком – в раздор между критикой, направленной на Я, и Я, изменившимся вследствие идентификации». [Фрейд, 1917: 217].

И если смерть – это то, что задаёт логику работы внутреннего, то взгляд – то, что определяет эстетику внешнего. Именно вращение влечений, «спутников жизни/смерти» [Деррида, ПО, 563] вокруг неподвижной точки смерти, ядра реального, и создают то поле, которое мы называем телом, поле, имеющее четыре измерения, четыре орбиты, или четыре коммуникативных режима, ритма. Не случайно и современная медицина описывает тело уже не как совокупность органов, а как систему внутренних и внешних коммуникаций. Телесность обретается на уровне того, что захвачено влечением и выведено на его орбиту, встроено в ритм его движения. Таким образом, тело не сводимо ни к символическому, ни к реальному, но соткано из либидинальных путей, из прохождения силовых линий, их аншлюса, торжества и переменного тока; тело является ритмом или периодом обращения влечений вокруг своей оси. Именно поэтому оно всегда задано как сексуальное и как смертное.

Деррида предлагает мыслить субъекта как ритм или колебание, волну, созданную встречей реального и символического, игрой *fort/da*, в которой производится не только образ тела, но и сексуальность субъекта. Не случайно поэтому Деррида, со ссылкой на Жакоба, называет сексуальность запоздалым эффектом, приходящим «как и сама смерть дополнительно» [Деррида, 1980: 565], поскольку и смерть и сексуальность являются тем, что подлежит восполнению: они не даются сполна, и не предписаны жизненным процессом – но являются теми орбитами, на которые предстоит выйти.

Вместе с тем, секс не является простым дополнением к бытию или его избыточной функцией, напротив, обретение пола и есть необходимое условие этого бытия, требование для вхождения в род человеческий и обретения своего места (мужского или женского) и времени внутри его хронотопа. Таким образом, выбор пола предполагает собой обретение смерти, поскольку встраивает субъекта в систему рождения, воспроизводства и кончины, становясь мужчиной или женщиной, каждый обретает при этом своё место в истории, свой предел. Во-вторых, выбор пола связан с отказом от своей целостности: пол является результатом кастрации. Поэтому выбор пола, как и выбор смерти, не являются результатом развития, но результатом возвращения.

Деррида постоянно задаётся вопросом о движении и постоянстве в психоанализе, о желании психоаналитика, которое это движение мотивирует и ведёт и точку смерти, вокруг которой это движение совершается. О том специфическом движении, которое ориентировано не на приобретение знания, не на приобретение вообще, а на возвращение, горизонт которого задан влечением к смерти. Движению в психоанализе ориентируется на истину бессознательного субъекта, не давая нам никакого знания относительно него: психоанализ производит истину, а не знания. Специфика этой работы заключается в том, что она не совершает никакого прорыва вперёд, инсайта, озарения, напротив, истина заявляет о себе как то, что не совершалось, то, что осталось нереализованным; она и представляет собой тот несимволизируемый остаток субъекта, который постоянно обращает на себя внимание, артикулирует себя, настаивает, призывает, чтобы к нему вернулись. Поэтому истина и не говорит ничего нового, но высказывает лишь отношение субъекта к реальному. «Недостаток оригинальности является знаком истины» [Деррида, 1980: 587], действительно ведь, единственной истиной субъекта является истина его влечений, судьба который всегда консервативна. То есть истина отсылает субъекта к его укоренённости в реальном, к его наслаждению, отношению с которым и создаёт психическую динамику субъекта.

Деррида неоднократно повторяет, что Фрейд силится совершить шаг, но постоянно возвращается к одному и тому же, «пустопорожним, многословным перепевам уже сказанного» [Деррида, 1980: 607], его теория влечений – как и сама логика работы влечений – постоянно приближается, но «не дотягивает» до завершённости. Логика построения метапсихологическая Фрейда сама разворачивается по законам психоанализа и имеет регрессивный характер; ей не суждено завершиться и предстать в виде теории психоанализа по той причине, что психоанализ работает с речью, которая никогда не покрывает собой бытия субъекта: она не выговаривает, не досказывает, не достраивает его, или же, напротив, говорит слишком много, сверх меры, избыточно, мета-психологично. Именно этот зазор – в котором проглядывает

истина бессознательного – и стоит в фокусе внимания Фрейда. Поэтому его метапсихология всегда оставаясь частичной, настолько частичной, насколько таковой остаётся сама речь.

Клиника психоанализа вообще не ориентирована на развитие субъекта, его взросление или «дорастивание» (как говорит некоторые направления психологии), и не привносит в его жизнь смысла, равно как и метапсихология не создаёт знания, своей теории о субъекте, но в то же время, психоанализ, провоцирует новую кодировку уже имеющегося сообщения, «перспективу сказанного», как выражается Деррида, новую оптику и эстетику субъекта. То есть в фокусе психоанализа находится не прирост знания, а его реконструкция, которая и создаёт эффект, именуемый истиной. Равно как и метафора не отсылает к некоторому имеющемуся значению, а создаёт его ретроспективным образом, путём возвращения к пустоте этого самого значения.

В «Наброске одной психологии» Фрейд приходит к тому, что не существует метаязыка, того специфического научного языка психоанализа, при помощи которого могли бы быть описаны процессы, происходящие в психическом аппарате: система восприятия является вторичной по отношению к языку. Иными словами, доязыкового восприятия не существует, поскольку восприятие возможно лишь в том случае, если оно опирается на символической опыт субъекта, если ему уготовано место в этом опыте, место поименованное, то место, которое Кант называет априорными формами чувственности, а Лакан законом означающего. В её основании лежит речь, которая является «стержнем восприятия» [Деррида, 1980: 601], как выражается Деррида, воспринято может быть только то, что имеет имя, и ином случае мы имели бы дело с галлюцинаторной разрядкой, возвращающей субъекта к первичному процессу работы влечений. Итак, Фрейд создаёт такую науку, в которой язык перестаёт быть орудием описания явлений и процессов, а сам становится материалом психоанализа, его предметом, поэтому теория здесь не отделима от практики *talking cure*, «речевой клиники». Для метапсихологии «сам её ход является одним из её объектов» [Деррида, 1980: 614], тот обратный ход, который символические основания фантазма субъекта, как говорит Лакан, или указывает на кодировку сообщения, на те правила и законы бессознательного, по которым функционирует психический аппарат субъекта.

Равно и лингвистика приходит к заключению о том, что метаязыка не существует, поэтому перевод с одного языка на другой наталкивается на пустоту и может быть выполнен только в силу того, что сам переводчик укоренён в бытии настолько, что сможет *ex nihilo* создать аналогию, протез оригинала, как говорит Деррида в другом месте.

Психоанализ представляет собой не мета-язык, а транс-язык, язык перехода, метонимии, переноса, язык выстраиваемый вокруг пустоты, постоянно нуждающийся в изобретении грамматики, восполнении, реконструкции, язык ткущийся, собираемый в обращении к присутствию другого. В центре клиники и метапсихологии Фрейда стоит язык как система обмена, дискурсивования желания, та система, которая, по выражению Лакана, вообще может обходиться без слов. Поэтому и субъект бессознательного – обретающий становление в этом процессе означивания представляет собой не заданную сущность, а отношение, а аналитическое лечение – настолько, насколько оно нацелено на истину субъекта – всегда разворачивается

в связи с переносом на место другого: истина говорит о себе с другим, она никогда не принадлежит только самому субъекту.

Не случайно поэтому Деррида подытоживает, что «всё начинается с переноса» [Деррида, 1980: 603], перефразируя свой тезис известный «в начале был перевод», высказанный в книге «Вокруг Вавилонских башен». В основании субъекта лежит его отношение, желание, отчуждённое другому, он и есть тот, кто относится или проносится через ряд инстанций бессознательного, структура которого относительна и истина которого никогда не даётся сполна.

Фрейд открывает вопрос об удовольствии, показывая его фантазийный характер. В 1924 году в работе «Экономические проблемы мазохизма» он отмечает, что сексуальность появляется у человека одновременно со способностью фантазировать [Фрейд, 1924: 374], устанавливая между ними прямую зависимость и устремляя удовольствие не к объекту, а к механизмам его восполнения, воспоминания, фантазирования об утраченном объекте. Влечение никогда не приходит к своему объекту, но именно тем самым и достигает своей цели, поскольку удовольствие возможно только как несбывшееся, отложенное, адресованное в прошлое сообщение. Поэтому условием функционирования принципа удовольствия является утрата объекта, кастрация, которая и способствует возникновению и поддержанию нехватки, обращённой к другому. Деррида отмечает, что «мы получаем удовольствие только для того, чтобы его утратить – и тем самым его сохранить» [Деррида, 1980: 624]. То есть, чтобы получить удовольствие, его нужно отдать.

Удовольствие представляет собой прохождение импульса через инстанции бессознательного, или, как выражается Деррида, «удовольствие заключается в пути, в переходе и вступлении в круг. Оно, без сомнения, в пути и любезно укажет, как найти дорогу, ведущую к безжизненному». Удовольствие – это не достижение того или иного объекта или реализация некой функции, а круговое движение вокруг пустого места, орбита, которая и задаёт собой контур психической структуры субъекта. Равно и Фрейд определяет удовольствие как консервативное движение по однажды проложенным путям. То есть удовольствие – это не способ высвобождения энергии, а напротив, способ её связывания, на что и обращает внимание Деррида. «Сам принцип удовольствия будто бы проявляется как своего рода противоудовольствие, подобно тому, как перевязывается бандероль, лента за лентой, удовольствие, чтобы оно стало возможным» [Деррида, 1980: 628]. Именно в результате связывания, «ограничения неумеренности» или канализации первичных процессов, которое Фрейд именовал неудобствами культуры, и возможен тот эффект, который мы называем удовольствием. Удовольствие подвижно не регрессией к якобы ранним стадиям развития, связанным с меньшим количеством запретов и органичений, а действием прямо противоположным: возделыванием, культивированием, поскольку удовольствие является ни чем иным как продуктом культуры, продуктом социальных отношений. Именно они и являются способом возделывания различных форм удовольствия. «Ограничительная структура порождает удовольствие, связывает его» [Деррида, 1980: 629], то есть удовольствие может быть реализовано только тогда, когда оно связано, направлено к своей цели, только в этом случае возможно его движение.

Не случайно Деррида в конце книги «Страсти по Фрейду» противопоставляет удовольствие боли, как состоянию обездвиженности, о чём отмечает и Лакан в «Вы-

ступлении по переносу» [Лакан, 1951: 261]. Надо полагать, что и любой симптом, настолько насколько он является болезненным, можно понимать как обездвиженность субъекта в той или иной инстанции его психической структуры. «Боль – это нечто иное, чем удовольствие, но не настолько, чтобы являться его противоположностью» [Деррида, 1980: 643]. Она является, скорее, его обратной стороной, изменением ритма работы психического аппарата, хромотой или сбоем в движении по проторенным путям влечений.

Таким образом, результатом работы принципа удовольствия является «возникновение некоторой общности» [Деррида, 1980: 632], которая и регулирует трафик движения либидо внутри психического аппарата, общности, которую он называет «обществом влечений».

Несмотря на то, что все влечения работают независимо друг от друга, они вовсе не изолированы, к тому же, они ни одно из них не обладает полнотой, достаточным мандатом, – каждое из них частично – и не могут выступать сувереном и объединять весь психический аппарат под своим приматом, поэтому они вынуждены образовывать коалиции и вступать в блоки, создавать дипломатические каналы и систему связей. Систему, названную Деррида обществом влечений, которая и устанавливает режим отношений с объектом на тот или иной период, выделяет трафик для каждого влечения с тем, чтобы они независимо друг от друга достигли своей цели к их частному удовольствию. Такова та система властвований и подчинений, распределений полномочий, которая и находится по ту сторону принципа удовольствия. «По ту сторону принципа удовольствия – власть». [Деррида, 1980: 637].

В частности, каким образом в истории становления субъекта оральное влечение складывает свои полномочия перед влечением анальным? Что происходит в социальной системе субъекта, его отношениях с другим, коль скоро влечение всегда мотивировано его требованием, то есть внутри и снаружи субъекта, что заставляет влечения по-новому перераспределить полномочия и прийти к тому, что Фрейд называл приматом гениальности?

REFERENCES

1. Деррида, 1967 – Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Деррида Ж. Письмо и различие. / пер. Лапичко В.В. СПб: Академический проект, 2000. – С. 252-292;
2. Деррида, 1980 – Деррида Ж. Страсти по «Фрейду» // Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. / пер. Михалковича Г.А. Мн: Современный литератор, 1999. – С. 401-664;
3. Деррида, 1993 – Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. Скуратова Б. М.: Logos-altera, 1993;
4. Лакан, 1954/55 – Лакан Ж. Семинары. Книга II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. / пер. Черноглазова А.К. М: Гнозис/Логос, 1999;
5. Лакан, 1957/58 – Лакан Ж. Семинары. Книга V: Образования бессознательного. / пер. Черноглазова А.К. М: Гнозис/Логос, 2002;
6. Лакан, 1959/60 – Лакан Ж. Семинары. Книга VII: Этика психоанализа. / пер. Черноглазова А.К. М: Гнозис/Логос, 2006;
7. Лакан, 1964 – Лакан Ж. Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа. / пер. Черноглазова А.К. М: Гнозис/Логос, 2004;
8. Лакан, 1969/70 – Лакан Ж. Семинары. Книга XVII: Изнанка психоанализа. / пер. Черноглазова А.К. М: Гнозис/Логос, 2008;
9. Фрейд, 1917 – Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд З. Психология бессознательного. Т. 3. / пер. Боковикова А.М. М.: СТД, 2006. – С. 205-226;

10. Фройд, 1918 – Фройд З. Из истории одного детского невроза (Случай Человека-Волка) // Фройд З. Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. СПб: ВЕИП, 1995. – С. 372-482;
11. Фройд, 1921 – Фройд З. Психология масс и анализ Я // Фройд З. Я и Оно. Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 71-138;
12. Фройд, 1924 – Фройд З. Экономическая проблема мазохизма // Фройд З. Психология бессознательного. Т. 3. / пер. Боковикова А.М. М.: СТД, 2006. – С. 361-378;
13. Фройд, 1925 – Фройд З. Отрицание // Фройд З. Психология бессознательного. Т. 3. / пер. Боковикова А.М. М.: СТД, 2006. – С. 397-404;
14. Фройд, 1920 – Фройд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фройд З. Психология бессознательного. Т. 3. / пер. Боковикова А.М. М.: СТД, 2006. – С. 227-289;
15. Lacan, 1951 – Lacan J. Intervention sur le transfert // Lacan J. Écrits. Paris: Éditions du Seuil, 1966. P. 215 – 226;
16. Lacan, 1956/57 – Lacan J. La relation d'objet. Séminaire 1956/57. Paris: A.L.I., 2006;
17. Lacan, 1958 – Lacan, J. La direction de la cure et les principes de son pouvoir // Lacan J. Écrits. Paris: Éditions du Seuil, 1966. – P. 585-645;
18. Le Gaufey, 1997 – Le Gaufey G. Le lasso spéculaire. Une étude traversière de l'unité imaginaire. Paris: E.P.E.L., 1997;

ESTETIKA DRUGOG KOD FROJDA I DERIDE

Дмитрий Ольшанский

Žak Derida često se obraća teoriji psihoanalize, počev od svog zbornika "Pismo i razlika" (1967) pa sve do knjige "Otpor psihoanalizi" (1993), gde razvija teoriju o optici subjekta primenjenu na iskustvo Frojda i Lakana. S druge strane, Derida se odriče ideje proizvodnje i kontinuiteta između originala i ponovnog zapisivanja u besvesnom, i preosmišljava pojmove izbacivanja i vraćanja izbačenog. Kao protivtežu Lakanovog stadijuma ogledala, Derida predlaže koncept pisma i dioptrije subjekta.

Ključne reči: *estetika subjekta, zadovoljstvo, Fort/Da, lik Ja, stadijum ogledala, Frojd, Lakan, Derida*